

ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТИ ПРОТИВ РЕЗУЛЬТАТОВ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Сердюк П.П., д.ю.н., доцент

*Национальная академия прокуратуры Украины,
ул. Мельникова, 81-б, г. Киев, Украина
pp_serduk@mail.ru*

В статье предложены два математически обусловленные доказательства ошибочности результатов виктимологических опросов, которые представлены в международных и национальных опросах. Сделан вывод о том, что вероятность совершения среднестатистическим преступником успешных преступлений в количестве, необходимом для того, чтобы оправдать количество, предполагаемое результатами виктимологических опросов, составляет всего 0,0324, что в целом является достаточно низким.

Ключевые слова: вероятность, виктимологический опрос, отрицательная обратная связь, положительная обратная связь, преступление, преступник.

ТЕОРИЯ ЙМОВІРНІСТІ ПРОТИ РЕЗУЛЬТАТІВ ВІКТИМОЛОГІЧНИХ ОПИТУВАНЬ

Сердюк П.П.

*Національна академія прокуратури України, вул. Мельникова, 81-б, м. Київ, Україна
pp_serduk@mail.ru*

У статті запропоновано два математично обумовлені докази помилковості результатів виктимологічних опитувань, які представлені в міжнародних і національних опитуваннях. Зроблено висновок про те, що ймовірність здійснення середньостатистичним злочинцем успішних злочинів у кількості, необхідній для того, щоб виправдати кількість, передбачувану результатами виктимологічних опитувань, складає всього 0,0324, що в цілому є досить низьким.

Ключові слова: ймовірність, віктимологічне опитування, негативний зворотний зв'язок, позитивний зворотний зв'язок, злочин, злочинець.

PROBABILITY THEORY VERSUS THE RESULTS OF VICTIMIZATION SURVEYS

Serdiuk P.P.

*National Academy of Prosecution of Ukraine, Melnykov str., 81-b, Kiev, Ukraine
pp_serduk@mail.ru*

The article suggests two more evidence calling into question about the validity of the results victimization surveys, besides the fact that the results of victimization surveys contradict the rules of social proportions in which the amount of social parasites, with which traditionally are considered criminals should be asymmetrically less than the number of cooperating persons involved into reciprocity relations. In all populations in which social parasites constitute an indicator of 20 or 30 percent. They begin to perform a positive role, for example – reproductive, or as a community disintegrates. The essence of this evidence is that the declared volumes of criminal victimization social system must operate on a “positive feedback” when the level of crime victims is more than 50 percent, the exponential development of this situation should lead to the inevitable social disintegration, however this is not occurs.

There is on the basis of the theory of probability, using mathematical techniques proved in article a low probability that during one year can be committed so many crimes that the expected results of victimization surveys. In this case, the calculations were carried out taking into account the probability of containment and counteractions existing in state-organized society. If you use data from victimization survey results, the probability that the offender will commit a crime to interfere with or even caught, will be 0.25, and if the use of official statistics data, then this probability will be 1.5. In the calculations, as long as, checked the results of victimization surveys used probability 0.25. Based on the hypothesis that for so many crimes, which is assumed in the results of victimization surveys, it was assumed that the offender had to make 4 crimes against property per month, so in the formula – 31 is the number of days in the month, the result of which is approximated for the whole year. The result was that:

$$P(A) = P(H) \times P(A|H) = \frac{4}{31} \times 0,25$$
, where P – probability, A is the event of committing criminal offenses against property, H – means the likelihood of them 4 successful crime of the 31st attempt, and |H – means the probability of countering criminal. As a result, it turned out that the probability of an

average of 4 criminal offenses successful month was 0.032358064516129, which generally shows a rather modest probability, and this sat into doubt on the validity of the fact that on average, all criminals can commit the alleged crime rate for the year to justify the available results of victimization surveys.

Key words: probability, victimization survey, negative feedback, positive feedback, crime, criminal.

Попытки использования опросов граждан с целью выявления уровня латентных преступлений спорадически продолжались все 1900-е гг. Можно сказать, что они использовались с разным акцентом. Одних интересовало то, что натворили и скрыли сами опрашиваемые (self-report), других – что видели и знали, но умолчали. Очевидно, что чаще всего результаты демонстрировали огромные показатели, например, в городах Москва и Владивосток в 1972 г. 47,3% опрошенных отметили, что им известны факты совершённых преступлений, однако они предпочли не сообщать об этом, поскольку не хотели вмешиваться [1, с. 7]. Показатель более чем серьёзный, но, по всей видимости, завышенный.

Если не лениться и изучить результаты виктимологических опросов населения в разных странах мира, то с немалым удивлением можно обнаружить, что в основном это показатели, которые превышают $\frac{1}{3}$ всего населения [2, с. 249-252; 3]. Реже показатель не доходит до 20%. Например, в 2012 г. Национальным опросом криминальной виктимизации (National Crime Victimization Survey, далее – NCVS) в США было выявлено, что уровень виктимизации составлял 11,5% по отношению к населению в возрастных рамках опрашиваемых. Нужно сказать, что NCVS уже довольно долгое время демонстрирует относительную умеренность результатов по сравнению с другими опросами. Однако в небольшом уточнении к этому исследованию указано, что приведены результаты опроса только на первые 6 месяцев в году, а это означает, что, учитывая сезонность, реальный показатель за год действительно может увеличиться до $\frac{1}{3}$ населения заявленных возрастных границ [4, с. 2, 4, 10]. Одна треть населения – это очень высокий уровень виктимизации. Трудно себе представить, чтобы треть населения подверглась преступлениям против жизни, здоровья и против собственности за относительно не продолжительный промежуток времени, а именно такой представлен в указанных исследованиях. Вероятно, что на оценки влияет и построение вопросов, и некомпетентность опрашиваемых в юридических вопросах, а следовательно, искажены и оценки действий, совершенных против них, как преступлений. Хотя в руководстве по проведению опросов рекомендуется строить вопросы так, чтобы они были понятны респондентам, а преступления дифференцировали по типам [5]. Такое состояние виктимизации обязательно бы оказало влияние на уровень общественного сознания и толерантность к общеуголовным преступлениям, существенно бы повлияло на уровень обращений в медицинские учреждения в связи с травмами и такое прочее. Поэтому большинству существующих обзоров криминальной виктимизации нельзя доверять.

Делу исследования криминальной виктимизации посвятили свои усилия многие исследователи. Среди них, конечно же, количественно доминируют западноевропейские и североамериканские исследователи. Следует отметить, что вопросам криминальной виктимизации уделяли внимание такие исследователи, как Дж. Аттила, Дж. Клайнфелд, А.В. Папахристос, К. Вайлдмен, Л.К. Ва, С.М. Иншаков, Д.В. Ривман, И.П. Рущенко, В.А. Туляков, В.С. Устинов и многие другие. Также эти вопросы рассмотрены в моей публикации, в которой я привёл доказательства крайне низкой эффективности виктимологических опросов для выявления «тёмной цифры» преступности [6]. В доступных мне исследованиях я не заметил принципиальных критических замечаний о том, что виктимологические опросы могут дать нам искажённые данные о состоянии преступности. Поэтому в этом плане трудно отталкиваться от работ предшественников.

Целью этой статьи является изложение дополнительных аргументов в пользу сомнительности результатов виктимологических опросов населения для получения более точных данных о состоянии преступности.

В действительности существует мало исследований, в которых не сильно завышены показатели криминальной виктимизации [7, с. 256-258]. Нужно сказать, что авторам

сопутствовала удача. Можно понять высокие показатели по обману покупателей и вымогательству дачи взяток, что составляет некую культурную норму для многих постсоветских государств. Но показатель телесных повреждений в 11,4% за 1996 г. (Украина) более чем в 300 раз превышает зарегистрированную преступность. Это при том, что дисперсия ожидаемой величины должна была быть в два раза меньше. Как тут не вспомнить предположение о том, что доверие результатам виктимологических опросов нужно делить на два? Это когда, как вышеуказанному исследователю, повезло, учитывая вдумчивый и осторожный подход. Нередко случается, когда такие результаты нужно делить на четыре или большее число. Как знать заранее, на какое число делить: 2, 4, 6, 8 и так далее? Справедливости ради нужно отметить, что проведенный указанным выше исследователем и его командой в 2001 г. виктимологический опрос показал на удивление невысокие данные о виктимизации [7, с. 267-268]. В подобных исследованиях это довольно редкое явление, которое говорит о немалом везении исследователей относительно правдивости ответов респондентов.

Есть и другие примеры более умеренных различий между зарегистрированной преступностью и показателями из опросов населения. Если сравнить такие показатели в США на протяжении 1974–1990 гг., то, скажем, показатели разбоев в официальной статистике только на 45% отличались от показателей, которые декларировались в опросах населения. При этом показатели сравнивались, исходя их данных на 100 000 населения [8, с. 86–87]. Но такая разница обусловлена, скорее всего, тем, что завышены показатели самой зарегистрированной преступности, в частности разбоев. Это смягчило ту агрессию, к которой склонны респонденты.

Очевидно, что надо применять критерии математической адекватности. Если какое-либо преступление действительно представлено на таком уровне, что показатель виктимизации от него доходит до половины всего населения, то тогда следует пересмотреть законодательство, которое называет преступлением то, что уже давно перепрыгнуло все разумные пределы пандемии преступлений. К ним следует относиться как к данности, в которой существует и вполне успешно функционирует общество, поэтому «моральная паника» по поводу такой преступности и расходы на противодействие ей совершенно не оправданы и подлежат сокращению, ведь общество перешло качественную границу.

Сначала я решил не усложнять этот вопрос ещё одним довольно сложным для понимания аргументом. Казалось, что и так всё уже понятно. Ясно, что данные виктимологических опросов непомерно завышены, и здесь отчётливо проявляется человеческий фактор. Но давайте всё же представим в мысленном эксперименте, что эти результаты виктимологических опросов правильны. Я уже предлагал вам это сделать раньше, но в этом случае я ещё предположил процесс «положительной обратной связи». Это, знаете ли, опасная штука. Представьте, что двигатель в вашем автомобиле будет работать с положительной обратной связью. Звучит не так зловеще. Она же всё-таки положительная. Но вы можете спросить у Google, что в естественных науках означает положительная обратная связь, если моё объяснение вам покажется недостаточным. Такая связь лучше всего демонстрируется на примере цепных реакций. Вернёмся, однако, к моему примеру. Скажем, вам не повезло, и ваш автомобиль оказался бракованным. Его двигатель работает с положительной обратной связью. Это означает, что нет никакого механизма, который бы предотвращал нарастание вращения маховика, и его бы скорость увеличивалась, поскольку топливо подавалось бы без контроля. Давление нарастало, не было бы никакого клапана, который бы дополнительно отводил излишки отработанных газов ввиду увеличивающейся подачи топлива. Запустилась бы цепная реакция, и вероятно, в скором времени из-под капота автомобиля двигатель бы просто вылетел как небольшая ракета. Конечно, я утрирую, но в том, что двигатель бы вышел из строя, можно не сомневаться.

Это пример того, что случилось бы с обществом, если бы результаты виктимологических опросов были правдивы. Количество преступлений увеличивалось бы по экспоненте,

вызывая в свою очередь либо привыкание, что довольно сложно себе представить, либо же соответствующую «гонку вооружений». Большая часть общества, выступающая в роли жертв, страдая от преступников, играющих роль «хищников», вступила бы в эту гонку, и речь бы шла не о смягчении наказаний и ограничении криминализации, а вооружении жертв. В условиях общества жертвы, как и их имущество, не могут убежать, как газель от гепарда.

А что бы случилось, если бы в обществе действовал процесс отрицательной обратной связи? Фактически мы можем её наблюдать. Существуют механизмы ограничения и сдерживания внутри самого вида. Для этого не обязательно даже создавать институционную систему юстиции. Мы можем видеть функционирование сдерживания и противодействия в пределах вида на примере многих видов социальных животных. Это реализуется не только за счёт обеспечения известной внутривидовой иерархии. Например, это могут быть ограничения, накладываемые соответствующим рангом животного в группе: доступ к пище, предпочитаемым местам отдыха, размножению [9, с. 324], и полное решимости наказание особи за поведение, нарушающее ранговое положение. Но не только это. К типу внутривидового социального сотрудничества относят даже драки внутри вида. Драки внутри вида, прежде всего в связи с размножением, могут восприниматься нами как однозначно негативное явление у неразвитых животных, которые «не способны договориться». Ежегодно от них гибнет немалое количество особей. Но они полезны для вида в целом, поскольку способствуют распределению пространства и ресурсов, предупреждая вредное для популяции перенаселение. Повреждения во время таких драк способствовали развитию сигнальной системы у животных, обеспечивая запугивающий эффект стычек, а поэтому впоследствии сводили к минимуму травмы [10, с. 43].

Это сдерживание проявляется не только в механизме юстиции, но и в возможности оптимального удовлетворения потребностей человека в пределах сотрудничества. Фактически это дает возможность поддерживать общество на уровне самоорганизации, в пределах оптимального функционирования для данного периода развития и условий среды. Если бы количество преступлений составляло половину от количества населения или больше, то это не позволило бы обществу существовать. Оптимальность разрушилась бы задолго до этого. Если даже отбросить идею оптимальности как пока что умозрительную для общества категорию, процесс отрицательной обратной связи приводил бы к достижению равномерного состояния, которое можно увидеть в природе на примере соотношения количества хищников и жертв. Увеличение количества хищников ведет к снижению популяции жертв, что в свою очередь ведет к снижению популяции хищников. В представленных количественных рамках, которые нам предоставляют виктимологические опросы, количество жертв такое огромное, что ему должны соответствовать «возможности» хищников. Представим, что действительно в государстве 38% населения в течение года стали жертвами различных преступлений. Пусть это количество равняется 17 290 000 человек. Тогда 8 299 200 человек стали жертвами преступлений против собственности. При этом будем считать, что это происходило с ними единожды в год. Сколько должно быть преступников, чтобы осилить такой фронт работ? В условиях, когда имущество сохраняют, ставят бронированные двери, а ещё нужно успеть сделать это до того, как соседи вызовут полицию или сработает сигнализация, такая работа усложняется. Допустим, один преступник совершает одно преступление за неделю и работает без отпуска. За год он должен совершать 52 преступления. Таким образом, в таком обществе должно быть 160 000 исключительно везучих преступников, которые со сказочно высокой долей вероятности успешно могут совершить 52 преступления в год. Но теория вероятности этому не благоволит. Кроме того, возможно то, что преступник может совершить намного меньше преступлений за год, не будучи схваченным. Получается, что количество возможных удачных актов ограничено. В среднем это могло бы быть 6 удачных преступлений в год. В таком случае количество «хищников» должно возрасти до 1 383 200, что составило бы 4,3% от населения деликтоспособного возраста. Но только представьте, что все 1 383 200 человек

должны быть довольно успешны на протяжении всего года. В действительности эта вероятность для них куда меньше, потому что для того, чтобы быть настолько успешными, это количество должно быть опытным, можно сказать профессиональным, контингентом. Если же иметь в виду всё деликтоспособное население, то такой показатель для новичков исключительно претенциозный. В итоге мы приходим к вероятности, пускай, двух преступлений в год для одного «хищника». Что это означает? То, что количество совершивших преступления должно быть 4 149 600 человек, что очень много. В этой ситуации остается надеяться только на профессиональную армию преступников в 160 000 человек, которые будут настолько успешными, что никакая теория вероятности им нипочём, поскольку они смогут совершать 52 преступления в год, не будучи схваченными.

Можно быть уверенным, что неискушенным хотелось бы уточнений по поводу того, как можно посчитать, а не интуитивно ухватить все эти перипетии с вероятностью. Я предлагаю взять только один месяц из двенадцати. Существует вероятность совершения в течение одного месяца четырех успешных преступлений против собственности. Представьте, каким успешным должен быть преступник для того, чтобы сохранять эту успешность весь год, но ещё более сложно представить 160 000 таких везунчиков.

Итак, для вычисления этой вероятности нам нужны самые простые формулы. С помощью одной из них нужно обязательно вычислить, какая вероятность влияния на преступный успех социальных методов сдерживания. Не буду усложнять, сразу представлю это в виде двух переменных в уравнении: событие A (преступление), количество попыток или испытаний N (здесь мне нужно с изрядной натяжкой посчитать, что количество испытаний должно соответствовать количеству однократных попыток всех деликтоспособных совершить преступление против собственности), а также количество результатов, в которых событие A

появилось, – n . Если всё сложить вместе, то выйдет $P(A) = \frac{n}{N}$, где P означает вероятность. Ясно, что тут я вынужден был использовать данные, навязанные результатом виктимологического опроса. Если эти данные пропустить через формулу, то вероятность того, что преступнику будут мешать совершить преступление или даже схватят, составит 0,25, что очень скромно. Если же воспользоваться данными официальной статистики, то такая вероятность будет составлять 1,5. Это не удивляет, поскольку данные виктимологического опроса, предполагают несопоставимо большее количество «попыток».

Теперь давайте выясним, какая вероятность того, что преступник сможет успешно совершить четыре преступления против собственности за месяц (31 день). Предположим, что он весьма посвящен своему делу и предпринимает попытки каждый день на протяжении этого месяца, то есть попыток будет тридцать одна. Каждая попытка будет завершаться либо провалом, либо успехом. При этом прошу вас оценить условия задачи по достоинству. Такой посвященности этому криминальному труду может позавидовать иной исследователь, прилагающий немалые усилия на пути к истине в экспериментах. Это уже должно вызывать сомнения, потому что в действительных условиях преступники работают без выходных. Но самое главное, что как условие берется довольно большая совокупность людей, предпринимая попытки. Нужно определить, какова вероятность четырех успешных попыток из тридцати одной. Действовать нужно по формуле, в которой P – вероятность, A означает событие совершения преступником преступлений против собственности, H – вероятность совершения им четырех успешных преступлений из тридцати одной попытки, а

H – вероятность противодействия преступнику:

$$P(A) = P(H) \times P(A|H) = \frac{4}{31} \times 0,25$$

В результате выйдет 0,032358064516129, что в целом составляет довольно скромную вероятность. Я уверен, что вам приходилось слышать или читать о рекордсменах по количеству совершенных преступлений. Есть примеры, когда одним человеком совершалось больше шестидесяти краж за год. Можно не сомневаться, что в Книге рекордов Гиннеса есть более поразительные примеры. Однако, как вы понимаете, эти примеры являются

отдельными проявлениями вероятности, и их вряд ли можно принимать во внимание, имея в виду массовое явление, которым является преступность на статистически значимом уровне.

Можно сделать вывод, что цифры виктимологических опросов достаточно сильно искажают реальную цифру преступности, не вытаскивая её на свет, а отбрасывая ещё большую тень. Представляется, что реальные цифры виктимизации нужно искать в альтернативе опросам, которые не застрахованы от ложных сведений. Это можно сделать путем применения технических средств обнаружения ложных самоотчетов, однако тогда следует забыть о масштабности исследований, поскольку даже при наличии технических условий и средств не многие респонденты согласятся на то, чтобы правдивость их слов проверялась «ужасной машиной». Это значительно сокращает число респондентов и затянет саму процедуру. Остается полагаться на известные социальные закономерности и математику. Уж лучше такие данные, которым можно доверять, чем данные, которые не имеют ни научного, ни практического смысла, поскольку основаны на преувеличениях опрашиваемых респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Т.К. Латентная преступность и её значение для определения эффективности уголовно-правовых норм : автореф. дисс. на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология ; уголовно-исполнительное право» / Т.К. Щеглова ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – М., 1973. – 15 с.
2. Dijk van J. Criminal Victimization in International Perspective. Key findings from the 2004–2005 ICVS and EU ICS [Electronic resource] / J. van Dijk, J. van Kesteren, P. Smit // *Onderzoek en beleid*. – 2007. – № 257. – P. 249-252. – Access mode : http://www.unicri.it/w-wd/analysis/icvs/pdf_files/ICVS-2004_05report.pdf.
3. Kesteren van J. Some main results on international comparison and trends. Results from the International Crime Victims Surveyed the European Survey on Crime and Safety [Electronic resource] / J. van Kesteren. – Tilburg : INTERVICT ; Tilburg University, 2008. – Access mode : <http://ssrn.com/pa-per=1117972>.
4. Criminal Victimization 2012 / J. Truman, L. Langton, M. Planty ; Bureau of Justice Statistics. U.S. Department of Justice // *Bulletin*. – October 2013. – 17 p.
5. Manual on Victimization Surveys. United Nations Office on Drugs and Crime United Nations Economic Commission for Europe [Electronic resource] / United Nations. – Geneva, 2010. – Access mode : <https://www.unodc.org/documents/.pdf>.
6. Сердюк П.П. Де шукати реальні цифри кримінальної віктимізації? / П.П. Сердюк // *Право та державне управління*. – 2011. – № 1. – С. 90-98.
7. Рущенко І.П. Соціологія злочинності : монографія / І.П. Рущенко. – Х. : Вид-во Націон. ун-ту внутр. справ, 2001. – 370 с.
8. Voigt L. Criminology and Justice / L. Voigt, W.E. Thornton, Jr.L. Barrile, J.M. Seaman. – New-York : McGraw-Hill, Inc., 1994. – 698 p.
9. Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс / О. Меннинг ; перевод З.А. Зориной, И.И. Полетаевой ; под ред. и с предисл. Л.В. Крушинского. – М. : Мир, 1982. – 360 с.
10. Тинберген Н. Социальное поведение животных / Н. Тинберген ; пер. с англ. Ю.Л. Амченкова ; под ред. П.В. Симонова. – М. : Мир, 1993. – 93 с.

REFERENCES

1. Shcheglova T. “Latent crime and its value to determine the effectiveness of criminal law rules” : Author. ref. thes. on fulfillment PhD degree of law sciences : spec. 12.00.08 / Taisiya K. Shcheglova ; Moscow State University named M.V. Lomonosov. – Moscow, 1973. – 15 p.

2. Van Dijk J. "Criminal Victimization in International Perspective. Key findings from the 2004-2005 ICVS and EU ICS" [Electronic source] / Jan van Dijk, John van Kesteren, Paul Smit. – No. 257, Onderzoek en beleid, 2007. – P. 249-252. – Access mode : http://www.unicri.it/wwd/analysis/icvs/pdf_files/ICVS-2004_05report.pdf
3. Van Kesteren J. "Some main results on international comparison and trends. Results from the International Crime Victims Surveyed the European Survey on Crime and Safety" [Electronic source] / John van Kesteren. – Tilburg : INTERVICT, Tilburg University, 2008. – Access mode : <http://ssrn.com/pa-per=1117972>
4. Criminal Victimization, 2012 / [Jennifer Truman, Ph.D., Lynn Langton, Ph.D., Michael Planty, Ph.D.]. Bureau of Justice Statistics. U.S. Department of Justice // Bulletin. – October 2013. – 17 p.
5. Manual on Victimization Surveys. United Nations Office on Drugs and Crime United Nations Economic Commission for Europe [Electronic source]. – United Nations, Geneva, 2010. – Access mode : https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf
6. Serdiuk P. "Where to find the actual numbers of criminal victimization?" / Pavel P. Serdyuk // *Pravo tha derzhavne upravlinnya*. – 2011. – № 1. – P. 90-98.
7. Ruschenko I. *Sotsiolohiya zlochinnosti* [Sociology of crime] : monograph / Igor P. Ruschenko. – Kharkov : Publishing National University of the Interior Affairs, 2001. – 370 p.
8. Voigt L., Thornton, Jr. W., Seaman J. *Criminology and Justice* / [Lydia Voigt, William E. Thornton, Jr., Leo Barrile, Jerrol M. Seaman]. – New-York : McGraw-Hill, Inc., 1994. – 698 p.
9. Mennyng A. *Povedenie zhyvotnykh. Vvodnyy kurs* [Behavior of animals : Initial course] / Aubrey Mennyng / Transl. by Zorynaya Z.A., Poletaeva Y.Y.; ed. with a foreword by L.V. Krushynskoho. – Moscow : Mir, 1982. – 360 p.
10. Tynberhen N. *Sotsial'noe povedenie zhyvotnykh* [Social animal behavior] / Nykolaas Tynberhen / Transl. from engl. by Y.L. Amchenkova; ed. by acad. RAS P.V. Simonov. – Moscow : Mir, 1993. – 93 p.

УДК 343.21 (477) «11/12»

РОЗВИТОК КРИМІНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАВСТВА В ПЕРІОД РОЗДРОБЛЕНОСТІ КИЇВСЬКОЇ РУСІ (XII – XIII СТ.)

Бабаніна В.В., к.ю.н., доцент

*Національна академія внутрішніх справ, пл. Солом'янська, 1, м. Київ, Україна
Siktoria@mail.ru*

Досліджено особливості зародження й розвитку кримінального законодавства в період роздробленості Київської Русі (XII – XIII ст.). Охарактеризовано теоретичні положення щодо змісту та форм систематизації й уніфікації законодавства цього періоду, визначено місце й роль цих процесів у суспільстві та державі, а також його вплив на розвиток кримінального законодавства України.

Ключові слова: кримінальне законодавство, період роздробленості, Київська Русь, нормативно-правовий акт, нормотворчість, кримінально-правові норми, устави.